

примере Тверской земли)//Общество и государство феодальной России. М., 1975. С.283 — 288.

³⁹ ПРП. Вып. 3. С. 550 — 351; ДДГ № 89.С. 360.

⁴⁰ Зимин А.А. Россия на рубеже... С.181.

О.А. Перова

**К ИСТОРИИ РУССКО-ПОЛЬСКИХ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
СЕРЕДИНЫ XVII в.: ПОСОЛЬСТВА СТОЛЬНИКА
А.С. МАТВЕЕВА К ЛИТОВСКОМУ ГЕТМАНУ
В.К. ГОНСЕВСКОМУ 1656 И 1657 гг.**

В середине XVII в. в Восточной Европе начались изменения в расстановке политических сил, которые в значительной степени определялись отношениями между Россией, Речью Посполитой и Швецией. Стремясь обеспечить себе поддержку в борьбе за первенство в восточноевропейском регионе, эти державы пытались склонить на свою сторону германского императора, курфюрста Бранденбургского и трансильванского князя. Поэтому польско-шведский конфликт, начавшийся вторжением шведских войск летом 1655 г., не мог оставаться в рамках локального столкновения двух государств и положил начало Первой Северной войне.

Речь Посполитая, представлявшая собой одно из крупнейших европейских государств, переживала тяжелый внутренний кризис, усугубившийся рядом военных неудач и известный в историографии как польский Потоп. Ослабление Польши давало Московскому государству шансы на выгодное для него разрешение ряда спорных вопросов, прежде всего касавшихся возвращения территорий, потерянных в начале XVII в. Однако России не удалось достичь соглашения с Швецией, в результате чего наметилось русско-польское сближение. К этому недолгому периоду стабилизации в отношениях с Речью Посполитой можно с уверенностью отнести 1656 — 1657 гг., когда ведение переговоров с московской стороны было возложено на стольника А.С. Матвеева, уже тогда пользовавшегося большим доверием царя Алексея Михайловича, а в последующее время занимавшего высшие посты в государственном управлении.

Русско-польские дипломатические отношения середины XVII в. вызывают большой интерес исследователей, однако предметом изуче-

ния чаще всего является период до 1656 г. В ряде статей и монографий Л.В. Заборовского подробно исследован политический и военный кризис, возникший в Восточной Европе после 1654 г., когда началась война между Россией и Речью Посполитой¹. Автором проанализированы международные отношения в данном регионе. Хронологически исследование ограничивается 1655 г. — началом Первой Северной войны. В специальной работе Л.В. Заборовского, посвященной взаимоотношениям России и Великого княжества Литовского² (далее ВКЛ), также затронуты сюжеты, касающиеся только 1655 — начала 1656 гг.

Фундаментальная работа А.Н. Мальцева³ раскрывает ход боевых действий в ВКЛ, деятельность московского правительства в занятых областях Белоруссии и Литвы, однако сюжеты, связанные с посольствами А.С. Матвеева, в ней не затрагиваются. Довольно подробное описание рассматриваемых посольств А.С. Матвеева к гетману Гонсевскому встречается только у С.М. Соловьева⁴. Но хотя в их результате не было подписано каких-либо важных договоров, эти переговоры нельзя игнорировать, т.к. именно они позволяют резюмировать итоги предшествующей дипломатической деятельности и дают более четкое представление о задачах, которые ставили перед собой оба государства.

Материалы, относящиеся к данным дипломатическим миссиям А.С. Матвеева, можно найти в довольно большом объеме в РГАДА (Ф.79. Сношения России с Польшей). Документы посольства 1656 г. содержатся в архивном деле, озаглавленном: «Отправление стольника Артемона Матвеева да подьячего Алексея Перфильева в Литву к гетману полному литовскому Вицентию Гонсевскому, тут же и статейный список бытности его у него, гетмана»⁵. Сюжет, относящийся к посольству января — марта 1657 г., может быть дополнен в связи с использованием документов, хранящихся по крайней мере в составе двух дел. Первое носит название «Отправление стольника Артемона Матвеева к литовскому полному гетману и подскарбию Винцентию Гонсевскому для бытия ему при нем, Гонсевском, и для предохранения государевых дел»⁶, второе содержит «Отписки и статейный список» А.С. Матвеева, а также «отпуски государевых к нему грамот»⁷. Во втором деле, которое является самым крупным по объему, кроме статейного списка и отписок Матвеева царю Алексею Михайловичу, есть переводы с польских грамот, содержащие важную информацию о состоянии внутренних дел в Речи Посполитой. Информация в этих трех источниках во многом дублируется, однако в настоящей статье будет предпринята попытка их комплексного изучения, которое позволит составить более полное представление как о задачах, которые правительство ставило перед Матвеевым, и спо-

собах, которыми он действовал, так и об общей расстановке политических сил в данном регионе.

В рассматриваемый период Московское государство вело переговоры преимущественно с ВКЛ, которое тяготело к независимости от Польши, но в ситуации серьезной угрозы со стороны Швеции это стремление было неосуществимо. Литва, находившаяся в окружении сильных в военном и политическом отношениях соседей, выбирала того противника, на чью сторону она могла бы перейти на наиболее выгодных для себя условиях. Кандидатура Гонсевского как нельзя более подходила для реализации русских планов. Он являлся представителем Речи Посполитой и мог повлиять на решение польским сеймом вопроса о выборе подходящего претендента на королевский престол. При этом гетман Гонсевский, так же как и шляхта, владения которой располагались на территориях, находившихся под властью Московского государства, прежде всего заботились о своих интересах, поэтому привлечение гетмана к сотрудничеству выглядело вполне возможным.

Для осуществления московских планов требовалась подробная осведомленность о ходе военных действий между Польшей и Швецией и о степени и характере участия в этом конфликте других европейских государств. Еще находясь в дороге, Матвеев должен был собрать сведения о численности польских и шведских войск, о том, в чьих руках в данный момент находятся города Варшава и Краков, о том, «...цесарь и венгерский Ракоц помогают ли, и много ли цесарских и венгерских и иных государств служилых людей пришло к польскому королю на вспоможение... и курлянской князь, и курфистр Бранденбургской не помогают ли, а естли помогают — людми или денгами, и сколко»⁸. Требовалось также знать о позиции, занимаемой Англией, Данией и Голландией. Характер полученной информации о том, насколько сильна была Польша, позволил бы определить линию, которой следовало придерживаться на переговорах.

Согласно царскому указу, Артамон Сергеевич покинул Полоцк 4 ноября 1656 г. и направился в Вильно, откуда он выехал на встречу с гетманом в Кайданы только 24 ноября, а сама встреча состоялась не ранее 29 ноября. Т.о., до начала переговоров у Матвеева было достаточно много времени, чтобы получить интересовавшие его сведения. Артамон Сергеевич действовал обычным способом: он искал в ВКЛ людей, желавших служить московскому государю. Как правило, к нему сами обращались те, чьи «маетности» находились на территории Московского государства. В их интересах было сохранение своих владений в неприкосновенности, что Матвеев гарантировал им от имени великого госу-

даря в обмен на службу. Кроме того, они получали царское жалованье. В своем статейном списке Матвеев сообщает, что таким образом были «завербованы» посланные к нему от гетмана Гонсевского Войтех Буракевич, гетманский поручик Самойло Сакович, а также находившийся на службе у Гонсевского бывший смоленский писарь Александр Парцевский.

Матвееву удалось выяснить, что польский король и гетманы находились под Гданьском с 30 000 войска, шведский король — в Думбороке, а курфюрст Бранденбургский с небольшим войском стоял возле Королевца. Литовское войско (15 000 человек) было рассредоточено вдоль прусской границы, а при гетмане Гонсевском оставалась только 1 000 человек. На расспросы о помощи Польше со стороны соседних государств Матвееву ответили, что курфюрст Бранденбургский намеревался отступить от союза со Швецией и послал гонца к польскому королю. Стало известно также, что турецкий султан хотел дать своих людей в помощь, но прислать их не смог, потому что на участке от Каменец-Подольского до Люблина их не пропустили по приказу его царского величества гетман Богдан Хмельницкий и окольный и воевода князь Григорий Григорьевич Ромодановский.

Перед отправлением в ВКЛ Матвееву были даны подробные инструкции относительно его задач на предстоящих переговорах. Как показывают исследования Л.В. Заборовского и Н.С. Захарьиной, посвященные анализу архива непосредственно предшествовавшего миссии Матвеева посольства Н.И. Одоевского 1656 г.⁹, московское правительство заботилось о том, чтобы дипломаты были хорошо осведомлены обо всех предыдущих переговорах и имели под рукой нужные документы, на которые они могли ссылаться, чтобы аргументированно отстаивать государственные интересы. В этом отношении не явилось исключением и посольство Матвеева.

Почти с самого начала речь должна была пойти об избрании российского государя на польский престол после смерти короля Яна Казимира, в связи с чем Матвееву предписывалось напомнить Гонсевскому о недавних переговорах с Ф.М. Ртищевым и Н.И. Одоевским. При этом следовало подчеркнуть, что ранее гетман активно искал милости русского царя и «желал учиниться в подданстве у его царского величества»¹⁰.

В своих ответах Гонсевский подтвердил свое желание служить великому государю, однако было очевидно, что его целью является прежде всего склонение Московского государства к военному союзу против Швеции. По словам гетмана, Польша подверглась двойному на-

падению — и со стороны России, и со стороны Швеции. В этой ситуации Гонсевскому казалось естественным видеть на польском троне русского царя, в то время как польские гетманы Я. Радзивилл и П. Сапега более склонялись в сторону Швеции. К точке зрения Гонсевского они отнеслись враждебно, а Радзивилл даже «учинил его, гетмана, вязнем»¹¹.

Выбор наиболее знатных и влиятельных польских шляхтичей был обусловлен главным образом тем, где располагались их земельные владения. Гетман Гонсевский считал, что Ю. Любомирский отдавал предпочтение германскому императору именно на том основании, что его «маетности» находились в пограничных районах: «Маршалок Юрий Любомирский мыслит, чтоб быт по смерти королевского величества цесарю или сыну его королем, а фамилия Любомирских велика и маетности его подошли к границе цесаря римского...»¹².

Гонсевский предложил свою помощь в приведении польской шляхты на службу к русскому царю. Взамен гетман просил вернуть ему те «маетности», которые были у него прежде, а также дать новые, мотивируя свое требование тем, что если у него будет больше людей, ему будет спокойнее и «бесстрашнее» вести речь об избрании царя на польский престол, потому что «бывает у них хто люднее, того болше боятца и слушают»¹³.

Гонсевский информировал Матвеева о том, какие обстоятельства, помимо несогласия некоторых группировок польской шляхты, препятствуют избранию московского государя на королевский престол. Речь шла о союзе Швеции с Францией, которая помогала деньгами и людьми и хотела видеть на польском престоле шведского короля. Кроме того, Швеция поддерживала отношения с запорожским гетманом Богданом Хмельницким и с трансильванским князем Дьердем II Ракоци.

В ситуации ослабленной обороноспособности Польши королевский престол являлся предметом торга в обмен на военную помощь в борьбе со Швецией. Статейный список Матвеева подтверждает, что подобные переговоры велись не только с Россией, но и с Ракоци, которому было обещано выдать королевскую племянницу за его сына и дать ему несколько городов. В результате Польша не добилась никакой помощи, но получила еще одного претендента на престол, который собирал войска и искал союзников для похода против нее.

С помощью России Польша хотела найти союзников в лице курфюрста Бранденбургского, который в тот момент находился еще на шведской стороне, и императора Священной Римской империи, от которого Польша уже получила обещание помощи, но только при условии мира между Польшей и Россией. Кроме того, гетман просил царя попы-

таться привлечь на свою сторону Данию и Голландию, чтобы помешать шведам на море.

Речь Посполитая стремилась устранить своих врагов руками Московского государства. Судя по имеющимся документам, польская сторона более всего опасалась агрессии со стороны Крымского ханства и Трансильвании и не была уверена в намерениях Богдана Хмельницкого. Согласно предложению Гонсевского, Россия должна была способствовать нападению Крымского ханства на Трансильванию. Тем самым Польше удалось бы нейтрализовать двух врагов одновременно: «А как де наступит хан на Ракоцу, и тогда де Ракоца о своем панстве будет думать, а делу великого государя помешки не будет»¹⁴.

Кроме вопроса о престолонаследии, на переговорах не раз прямо или косвенно поднимался вопрос о запорожском войске. После того как Левобережная Украина присягнула на верность русскому царю, этот вопрос стал особенно острым в отношениях между Россией и Речью Посполитой. Артамон Сергеевич был прекрасно осведомлен о состоянии дел в Малороссии, участвовал в подготовке и проведении Переяславской рады 1654 г., поэтому по этому пункту он всегда давал гетману ясные и исчерпывающие ответы, заверяя в верности Хмельницкого и его войска Московскому государству. На требование Гонсевского «свести казаков с Дона», чтобы не лишить Польшу поддержки Крымского хана, Матвеев ответил решительным отказом.

Матвеев соглашался со всеми условиями, которые касались денежных и прочих пожалований гетману и его войску, но когда речь зашла о границах и о царском титуле, Матвеев занял традиционно жесткую для России позицию. Если по первому вопросу обе стороны продолжали стоять на своем и не смогли достичь компромисса, то в написании титула Артамон Сергеевич был непреклонен и отказывался принять грамоту Гонсевского к Алексею Михайловичу до тех пор, пока гетман не внес требуемые поправки.

Данное посольство Матвеева было непродолжительным. Уже 16 декабря он был «на отпуске» у гетмана, а 21 декабря вернулся в Вильно, где оставался до получения дальнейших указаний. Переговоры ноября — декабря 1656 г. не дали ощутимых результатов и оказались лишь декларацией интересов обеих сторон. Избрание московского государя на польский престол казалось вполне осуществимым по документам прежних посольств — Ф.М. Ртищева и Н.И. Одоевского. Но сведения, полученные Матвеевым, говорили о том, что когда к концу 1656 г. положение Польши несколько стабилизировалось, возникло множество препятствий к решению этого вопроса.

Если в 1656 г. Матвеев был послан в ВКЛ скорее с разведывательными целями, то в начале 1657 г. перед ним были поставлены практические задачи, связанные с выяснением намерений польского и литовского войск. В случае видимых разногласий между Польшей и Литвой Артамону Сергеевичу следовало привести гетмана Гонсевского и его войско к присяге на верность московскому государю.

Московское правительство держало Матвеева в курсе последних дипломатических событий. В начале января 1657 г., еще находясь в Вильно, Матвеев вместе с царским наказом относительно будущего посольства получил информацию о том, что 6 декабря 1656 г. Алексей Михайлович принимал в Вязьме послов от польского короля Яна Казимира во главе с Казимиром Жеромским, у которого также была верительная грамота и от гетмана Гонсевского. Польша вновь просила помощи в борьбе с общим неприятелем — шведским королем. Алексей Михайлович послал Матвееву статьи, поданные Казимиром Жеромским, и ответы на них русской стороны с тем, чтобы Матвеев довел их до сведения Гонсевского и заключил с ним договор на тех же условиях.

Основные требования Москвы сводились к приведению к присяге литовского войска с тем, чтобы обеспечить поддержку в деле избрания московского царя на польский престол. В качестве помощи польской стороне было обещано в случае нападения шведских и прусских войск впустить польскую армию на русские пограничные территории, но с условием, чтобы «им и войскам их тех поветов жилецких всяких чинов людем налог и насильств никаких не чинить и ничего не разорять»¹⁵.

А.С. Матвеев имел полномочия распоряжаться пропуском польских войск на оговоренные территории, а также должен был послать воеводам соответствующие распоряжения уже от своего имени. Кроме того, ему было предписано рассмотреть материалы переговоров гетмана Гонсевского с воеводой города Вильно Михаилом Шаховским и разрешить все спорные вопросы в соответствии с имеющимися у него царскими распоряжениями.

Т.о. Матвеев, уполномоченный решать важнейшие государственные дела и заключать договоры, играл роль связующего звена в переговорах польской, литовской и российской сторон. Для обеспечения непрерывного обмена информацией была учреждена специальная почта. Воеводам городов, через которые должны были следовать как литовские, так и московские гонцы, были разосланы указы о снабжении их подводами и незамедлительной отправке к месту назначения.

Характер царских наказов, которые были даны Матвееву перед отправлением в ВКЛ в декабре 1656 г., говорит об уверенности в том,

что в той сложной внешнеполитической ситуации, в которой оказалась Речь Посполитая, Московское государство сможет добиться своих целей, сыграв на противоречиях между «коронай польской» и ВКЛ. Об этом свидетельствует тот факт, что в пограничный город Полоцк была заранее доставлена казна в сто тысяч золотых червонных ефимков, которую Матвееву предписывалось раздавать в качестве царского жалования в том случае, если бы ему удалось привести к присяге гетмана Гонсевского и все литовское войско. Тогда же Матвееву была прислана «Присяжная запись, на каких статьях привести гетмана к вере»¹⁶. Согласно этой присяге, гетман и его военачальники обязывались всячески способствовать избранию царя Алексея Михайловича или его сына царевича Алексея Алексеевича королем польским и великим князем литовским после смерти короля Яна Казимира.

Итак, основные линии развития переговоров были намечены еще до их начала и оставались прежними: целью, которую преследовало московское правительство, являлось избрание русского царя на польский престол, Польша же намеревалась обеспечить себе поддержку России в войне со Швецией.

13 января 1657 г. Матвеев прибыл в Вильно, а 15 января к нему приехали стремянные конюхи и привезли государев наказ и указные грамоты, в соответствии с которыми он отправился к гетману Гонсевскому. Но найти гетмана Матвееву удалось не сразу. 19 января он приехал в город Кайданы, где ему было сказано, что Гонсевский с войском направляется под Биржи. 21 января Матвеев последовал за ним, однако, не доехав 12 верст до Бирж, получил информацию о том, что, взяв Биржи и приведя людей к присяге, гетман возвращается в Кайданы другой дорогой. Матвееву пришлось снова ехать обратно и ждать известий от Гонсевского, которые были получены 25 января: гетман прислал бывшего смоленского писаря Александра Парцевского с приглашением приехать в местечко Шадово. Матвеев прибыл в Шадово. Его встреча с Гонсевским состоялась только 30 января.

В ходе первого тура переговоров Матвеев, согласно царскому распоряжению, намеревался заключить с Гонсевским договор на совместно выработанных во время посольства Казимира Жеромского к Алексею Михайловичу условиях. Однако вскоре выяснилось, что гетман настаивает на получении своих прежних «маетностей» и ста тысяч червонных золотых прежде, чем он примет присягу. Матвеев был убежден, что соответствующего царского указа, о котором говорил ему гетман, не существовало, и пытался доказать Гонсевскому, что его притязания противоречат здравому смыслу: «Да и сам он, гетман, помысли:

такие великие денги, а присягу учинить ему одному, гетману. Человек всякой не безсмертен, а ныне время неспокойно от неприятелей, а он, гетман, безпрестана в службах, убит или взят буде, хто те денги заслужит великому государю, его царскому величеству?»¹⁷.

В результате Гонсевский согласился тайно принять присягу и служить великому государю, но приводить к присяге все войско он считал преждевременным, т.к. это могло испортить его репутацию на польском сейме и в конечном счете повредить осуществлению московских планов избрания царя на королевский престол. Гонсевский беспокоился о конспирации. Он просил московского государя договориться с польским королем о том, чтобы обмен информацией происходил через него. В этом случае частые приезды гонцов из Москвы не вызовут подозрений у короля.

Гетман поставил множество условий, которые касались в основном сохранения всех вольностей ВКЛ и неприкосновенности имущества и земельных владений самого гетмана. В ответ на это Артамон Сергеевич сослался на уже существующий опыт управления литовской шляхтой, которая «в Смоленские, и в Полоцкие, и в Виленские, и в иных городех служат в розных строях, и у тех начальные люди полковники и ротмистры их же братья шляхта, а не московские урядники»¹⁸.

Многократное повторение гетманом просьб о пожаловании его войска во избежание бунта говорит о том, что он не был уверен в своих силах. Гонсевский требовал от московского правительства гарантий в том, что обещанные деньги и оружие будут ему доставлены, для чего просил выбрать из бояр или ближних людей того, кто дал бы ему «веру», на что Матвеев отвечал, что подобная практика не принята в Московском государстве.

В связи с согласием гетмана служить Москве Артамон Сергеевич вновь затронул вопрос о границах. Теперь склонение польских сенаторов к проведению границы по реке Березине он представил как служебную обязанность Гонсевского. А чтобы лично заинтересовать гетмана в изменении границ, ему были пожалованы «маетности» в Смоленском и Витебском уездах.

В рассматриваемый период угроза со стороны Швеции продолжала оставаться в силе, поэтому вопрос о военной помощи постоянно поднимался на протяжении всех переговоров. Гонсевский просил у царя солдат и рейтар для похода на курфюрста Бранденбургского. Ответ Матвеева позволяет сделать вывод о том, что на данном этапе московское правительство предпочитало действовать дипломатическими методами: к курфюрсту был послан царский гонец с просьбой не наступать

на гетмана Гонсевского, но польское войско под предводительством полковника Чернецкого начало действовать против Бранденбурга. Поэтому войско Гонсевского тоже не могло избежать вовлечения в конфликт. Т.о. ВКЛ стремилось проводить самостоятельную политику, но зависимость от Польши не давала воспользоваться ее результатами. Подобные факты давали Матвееву возможность рассчитывать на успех своей миссии по приведению литовского войска к присяге.

Ход русско-литовских переговоров осложняло то, что Гонсевский не был уверен в том, что Московское государство не ведет параллельных переговоров о союзе со Швецией. Судя по отпискам Матвеева к государю, основания для подобных опасений дал инцидент с воеводой города Кокнеса (или Царевичева Дмитриева города) А.Л. Ординым-Нашокиным. Гетман передал Артамон Сергеевичу, что неподалеку от Кокнеса был пойман «немчин», посланный из Риги от шведского военачальника графа Магнуса Делагарди, к Афанасию Нашокину, «чтоб он, Афонасей, учинил перемирие и писал к великому государю, чтоб учинить мир с великим государем Свейскому королю»¹⁹. По данным Гонсевского, Ордин-Нашокин ответил, что он согласен на перемирие до тех пор, пока к нему не придет царский указ относительно мира со Швецией.

Об этих же событиях сообщал Матвееву и поручик гетмана Адам Сакович, который писал, что известия о том, что Ордин-Нашокин «об укреплении покоя с шведами радел», привели к тому, что в Польше и ВКЛ распространилось мнение, будто Москва с Польшей «идут неправдою, часто пишут шкоды и часто с шведами чинятца»²⁰.

В конце февраля 1657 г. ситуация усугубилась тем, что Ордин-Нашокин не препятствовал войскам графа Магнуса, которые вышли из Риги и, пройдя через территории, принадлежащие Московскому государству, вступили в Велномирский повет ВКЛ и, по сообщению шляхтича Микулая Гестора, «те места высекли и побрали»²¹.

Бездействие Ордина-Нашокина могло повлечь за собой срыв переговоров с гетманом Гонсевским. Поэтому Матвеев приложил все усилия к оправданию кокнесского воеводы, сказав Гонсевскому, что если Ордин-Нашокин и ведет переговоры с графом Магнусом, то их предметом является вопрос об освобождении пленных, а не мир со Швецией. Кроме того, Артамон Сергеевич позаботился о том, чтобы Ордин-Нашокин встретился с Гонсевским и сам убедил гетмана в несправедливости его подозрений. Такая встреча действительно состоялась в марте 1657 г. в пяти верстах от Кокнеса, где, согласно донесению Матвеева, Ордин-Нашокин «с клятвою сказал, что он ссылаетца с графом Магнусом для того, что хочет ведать, что у них в Риге делаетца, а не для миру»²². Т.о.,

инцидент был исчерпан, и уже в конце марта Гонсевский разрабатывал план совместных военных действий с войсками Ордина-Нащокина²³.

В последнем раунде переговоров, состоявшемся в марте 1657 г., Гонсевский стал все настойчивее напоминать Артамону Сергеевичу о том, что русская сторона до сих пор не послала свои войска на помощь Польше, а это спровоцировало наступление трансильванского князя Ракоци на Львов. В результате успешных боевых действий он быстро продвигался к Бресту. К нему навстречу вышел шведский король, к которому вскоре присоединятся запорожские казаки. Гонсевский подчеркивал, что сложившаяся ситуация угрожает и безопасности России.

Ввиду того, что германский император дал польскому королю 4 000 человек пехоты и 10 пушек и собирался послать свои войска на Ракоци, его шансы быть избранным на польский престол увеличивались. Поэтому Гонсевский настаивал на немедленном соединении войска Речи Посполитой с российским.

В ходе посольства 1657 г. Артамон Сергеевич вел активную деятельность по подготовке благоприятной для России расстановки политических сил на ожидавшемся специальном сейме по вопросу о престолонаследии. Что касается литовского войска, то в его содействии Матвеев был до некоторой степени уверен. Он сообщал Алексею Михайловичу, что противоречия между Польшей и Литвой все более обостряются и что между гетманами Сапегой и Гонсевским «великая рознь». В этой ситуации литовская шляхта стремилась найти себе сильного покровителя. Так, например, в марте 1657 г. Матвеев получил информацию о том, что литовский магнат Богуслав Радзивилл хочет перейти на службу к русскому царю. В отписке к Алексею Михайловичу Матвеев пишет, что велел передать Радзивиллу, «чтоб он, Богуслав, безо всякого сомнения ехал к тебе, великому государю, служить, а твое великого государя жалованье Богуславу будет»²⁴.

Значительная часть информации о внутренних делах в Польше и о ее переговорах с другими европейскими державами, которую Матвеев пересылал в Москву, содержалась в донесениях, получаемых им от поручика гетмана Гонсевского Адама Саковича. Он утверждал, что кроме великого государя не хочет служить никому и присягает тайно, чтобы ему «на сейме не было укоризны».

В отношении Польши такой широкой поддержки на сейме ждать не приходилось, что подтверждается отписками Матвеева к государю о настроениях польской шляхты: «Иные хотят к цесарю, а иные к Ракоце, а иные не хотят с княжеством Литовским разлучатца»²⁵.

Матвееву было поручено искать людей, имеющих влияние в Польше, которые могли бы способствовать осуществлению русских планов и привлекать других на царскую службу. Артамон Сергеевич писал государю о том, что кроме двух сенаторов — «маршалка надворного Юрия Любомирского да воеводы познанского Ляшинского не с кем того дела до свершения привести»⁶. Матвеев подчеркивал отсутствие патриотизма у представителей могущественных польских родов, которые были склонны перейти на сторону того пограничного государя, который щедрее им заплатит.

Тем же способом Матвеев пытался привести к сотрудничеству и польского посланника Казимира Жеромского, которому так же, как и прочим, было обещано возвращение его «маетностей». Но он согласился принести присягу московскому государю только в том случае, если ему велят выдать денежное жалованье.

Т.о., Матвееву удалось найти в Польше и ВКЛ достаточно много людей, заинтересованных в избрании русского царя на польский престол. Но в тот момент в Польше не сложилось благоприятных условий для проведения сейма. Дата его созыва отодвинулась на неопределенный срок, потому что король находился в Гданьске, вблизи которого сосредоточились шведские войска. Кроме того, перед сеймом на местах должны были пройти сеймики, поскольку, по данным Матвеева, «сеймики ни в которых поветах не были»²⁷.

Кроме основных вопросов, рассмотренных выше, в ходе переговоров обе стороны многократно возвращались к обсуждению и других сюжетов, что свидетельствует в пользу их значимости. Это касалось прежде всего действий Богдана Хмельницкого.

В середине XVII в. запорожское войско представляло собой потенциальную угрозу для европейских государств. Несмотря на то, что после 1654 г. оно формально находилось под властью Московского государства, фактически оно еще долгое время действовало только в своих собственных интересах. Находясь в ВКЛ, А.С. Матвеев имел доступ к информации, относящейся к событиям на Украине. Так, например, ему стало известно, что к гетману Хмельницкому мирным путем «через тайные ссылки» перешли белорусские города Быхов и Слуцк.

Матвеев передал в Москву сведения о том, что Богдан Хмельницкий посылал киевского архимандрита Лазаря Барановича к турецкому султану, чтобы договориться с ним об оказании помощи Левобережной Украине в том случае, если Россия и Польша заключат мир и какая-либо из сторон начнет воевать против казачьего войска. Матвеев не раз сообщал государю о том, что литовская шляхта обеспокоена ожидаемым

нашествием запорожских казаков: «Казаки, государь, запорожские собираютца многие люди под Слуцк, а в Слуцке де, взяв пушки, и хотят идти под Ляховичи, а Нечай де полковник з Бобруйска хочет идти з другой стороны на Вилну и на Менск»²⁸.

В Польше опасались, что подобные настроения запорожского войска могли подтолкнуть Хмельницкого к союзу с противниками Речи Посполитой. В одном из донесений Адама Саковича Матвееву говорилось, что запорожский гетман действует заодно с трансильванским князем Ракоци и участвует в плане раздела Польши, в соответствии с которым Ракоци достанется Малая Польша с Краковом, шведский король получит Прусское герцогство и поделит Мазовию с курфюрстом Бранденбургским, к которому также отойдет Великая Польша, а гетман Хмельницкий получит «при Украине ис Киева Волинь и Подолье, чем его к себе тягнули»²⁹.

Такая самостоятельность Богдана Хмельницкого не могла не вызывать тревоги у московского правительства. Но на переговорах с Гонсевским Матвеев неизменно отвечал, что гетман Хмельницкий и все запорожское войско находятся «под высокой рукой» русского царя и не станут воевать против его союзников. Но в целом нестабильное положение на Украине, где политическая ситуация постоянно менялась, не могло способствовать успеху миссии Матвеева. Польско-литовская шляхта стремилась сохранить Малороссию в сфере своего влияния, поэтому и предложение о возвращении к старым границам по рекам Березине и Бугу не могло встретить поддержки в ВКЛ.

Т.о., по завершении переговоров Матвеева с гетманом Гонсевским цель московского правительства относительно избрания русского государя на польский престол не была достигнута. Кроме рассмотренных выше причин внешнеполитического характера и напряженной обстановки в Малороссии, осуществлению московских планов препятствовало и неприемлемое для России требование православно-католической унии, которое выдвигало ВКЛ. Однако отсутствие ожидаемого результата отнюдь не умаляет значения посольств 1656 и 1657 гг. Статейные списки А.С. Матвеева, его отписки к государю, а также переписка с лицами, представляющими влиятельные круги Польши и ВКЛ, являются ценными источниками по истории взаимоотношений России и Речи Посполитой в середине XVII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Заборовский А.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в.: Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной

Европе. М., 1981; *Он же*. Русская дипломатия и начало первой Северной войны (январь—октябрь 1655 г.)// Сов. славяноведение. 1973. № 1; и др.

² Заборовский А.В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа. М., 1994.

³ Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974.

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен//Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. Т. 10. М., 1990. Кн. 5. С.639—641; Там же. Т.11. М., 1991. Кн. 6. С. 37—38.

⁵ РГАДА. Ф.79. Оп.1. Д.37.

⁶ Там же. Д.43.

⁷ Там же. Д.2.

⁸ Там же. Д.37. Л.18—19.

⁹ Заборовский А.В., Захарьина Н.С. Из истории русско-польских дипломатических контактов: Посольство Н.И. Одоевского "с товарищи" 1656 г. (Посольский архив) // Славяне и их соседи: Международные отношения в эпоху феодализма. М., 1989. С.153—180.

¹⁰ РГАДА. Ф.79. Оп.1. Д.37. Л.90.

¹¹ Там же. Л.93.

¹² Там же. Л.176.

¹³ Там же. Л.190.

¹⁴ Там же. Л.176.

¹⁵ Там же. Д. 43. Л. 27.

¹⁶ Там же. Л.9—12.

¹⁷ Там же. Д.2. Л.77.

¹⁸ Там же. Л. 83.

¹⁹ Там же. Л. 69.

²⁰ Там же. Л. 128.

²¹ Там же. Л. 116.

²² Там же. Л. 241.

²³ Вся последующая деятельность А.Л. Ордина-Нащокина в качестве главы Посольского приказа характеризует его как убежденного противника союза со Швецией, поэтому кажется сомнительным, чтобы он по своей собственной инициативе вел переговоры с графом Магнусом Делагарди. Скорее всего, описанный инцидент действительно не был связан с русско-шведскими переговорами о мире.

²⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп.1. Д.2. Л.231.

²⁵ Там же. Л. 66.

²⁶ Там же. Л. 70—71.

²⁷ Там же. Л.68.

²⁸ Там же. Л.113.

²⁹ Там же. Л.180.